

Елизавета Дворецкая

ОГНЕННЫЙ ВОЛК ЧУРОБОРСКИЙ ОБОРОТЕНЬ

Елизавета Дворецкая

ОГНЕННЫЙ ВОЛК
ЧУРОБОРСКИЙ ОБОРОТЕНЬ

В жилах Огнеяра течет волчья кровь. Он — оборотень, сын бога Велеса. В Стае его прозвали Серебряным Волком. Гордый и сильный, с ослепительным взглядом, от которого не спрячется никто и ничто. Ему не страшны ни меч, ни стрелы, ни даже волшебный клинок или копье. Разве место такому среди простых смертных? Но тропа зверя все же соприкасается с человеческой дорогой. Огнеяр встречается с прекрасной ясноокой Милавой. Ради ее любви княжич-оборотень не побоится схлестнуться со Стаей и даже с тем, кого называют Белым Волком...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5049-9

9 786171 250499

Елизавета Дворецкая

ОГНЕННЫЙ ВОЛК

ЧУРОБОРСКИЙ ОБОРОТЕНЬ

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1
Д24

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *IvanovITCH*

ISBN 978-617-12-5049-9

- © Дворецкая Е., 2018
- © DepositPhotos.com / glediska, обложка, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

ГЛАВА 1

Осень доживала последние дни — вот-вот выпадет первый снег, замостит дорогу Зимерзле. Было раннее утро, сумерки едва начали рассеиваться, с неохотой уступая земной мир скупому осеннему свету.

Чуроборский князь Неизмир стоял на верхней площадке крепостной стены и смотрел вниз, во внутренний двор детинца. Там перед раскрытыми воротами конюшен сновали люди, ржали кони, звенело железом оружие и упряжь — дружина княжича Огнеяра собиралась на охоту. Весь Чуробор еще спал, даже на посаде виднелось всего два-три дымка из печек самых усердных хозяек. Но дружине княжича не было дела до покоя чуроборцев. Собираясь, они громко спорили о предстоящей добыче, покрикивали на челядь, хохотали. Князь Неизмир кутался в теплый плащ из толстой шерсти, наброшенный поверх кафтана на соболях, и все-таки ему было холодно. Шапки он не взял, и стылый ветер шевелил его полуседые волосы. Ему было всего сорок шесть лет, но он чувствовал себя старым и больным. Особенно когда видел княжича или просто думал о нем. А о пасынке князь Неизмир думал постоянно.

Внизу резко скрипнула дверь. Отроки во дворе дружно закричали, взвыли по-волчьи. Князь невольно содрогнулся, хотя и был к этому привычен. Огнеярову дружину так и звали в Чуроборе — Стая.

На крыльце показался сам Огнеяр, на ходу оправляя широкий кожаный пояс, туго затянутый вокруг крепкого

стана поверх накидки из косматого волчьего меха. Он был среднего роста и не поражал могучим сложением, но в каждом его движении видна была сила и истинно звериная ловкость. Длинные черные волосы княжича вольно раскинулись по плечам, шапок он не признавал, да и гребней не любил. В Чуроборе его прозвали Дивием¹, и он даже гордился этим прозвищем.

Вскинув ладони ко рту, Огняр протяжно завыл, затянул охотничью песню волка-вожака. На обоих его запястьях блестели широкие серебряные браслеты, серебряные бляшки покрывали пояс, серебряными накладками были усажены ножны охотничьего ножа. Вместо меча, приличного воину, за пояс Огняра была заткнута рукоять боевого топора с серебряной насечкой на обухе.

Отроки радостно завыли вслед за вожаком, самые молодые даже заскулили, как волки-перееарки, в азартном предвкушении большой добычи. Кони во дворе и в конюшнях тревожно заржали, по всему детинцу и даже на посаде залаяли собаки. Неизмир ненавидел шум, сопутствующий всем Огняровым развлечениям, но был благодарен судьбе хотя бы за то, что из-за пристрастия пасынка к лесам он не так уж часто видит его дома.

Один из отроков подвел Огняру коня, и княжич прямо с крыльца вскочил в седло. Его любимый серый жеребец Похвист грыз удила и переступал копытами — рвался в дорогу. Дворовая челядь поспешно растворяла ворота. Отроки вскакивали в седла — все как один в плащах из серой шерсти поверх волчьих накидок, все без шапок, с длинными волосами, у кого связанными в хвост, у кого перехваченными тесемкой через лоб, у кого, как у княжича, распущенными вольно — от глаз ветром отдует. Издалека они все казались одинаковыми, но князь быстро выбрал

¹ Дикий.

взглядом одного. Круглолицый русоволосый парень с густыми черными бровями выпрямился в седле, словно почувствовал взгляд Неизмира, но не обернулся. И князь торопливо отвернулся, боясь сглазить все дело. От этого парня сейчас зависело слишком многое. Может быть, сама судьба князя Неизмира.

Рывком послав жеребца вперед, Огнеяр первым вылетел со двора. Отроки плотным косяком поскакали за ним. Неизмир проводил глазами Огнеяра, с соколиной цепкостью сидящего в седле. Хвост жеребца мелькнул в воротах, грохот копыт прозвучал по мощенным деревянными плахами улочкам детинца и затих возле посадских ворот. Стая умчалась. А князь Неизмир еще некоторое время постоял на забороле, глядя на улицу за воротами, словно хотел навсегда запомнить отъезд Стаи. Он надеялся, что сегодня видел это в последний раз.

С оглушительным топотом и свистом дружина Огнеяра промчалась по детинцу и посаду — воротники едва успевали давать им дорогу, — вылетела из Чуробора и поскакала по замерзшей грязи в сторону темнеющего леса. Разбуженные шумом чуроборцы осенялись знаком огня и облегченно вздыхали. Теперь княжича и его шальной Стаи не будет несколько дней, а то и недель. И многие, подобно князю Неизмиру, желали бы больше никогда его не видеть.

— Не в добрый час княжич на лов собрался! — говорили воротники, провожая глазами улетающую Стаю. — Ведь ныне Лешачий день — вся нечисть лесная так и хороводится!

— Вот ему там и самое место! — отвечали им другие. — Где нечисть, там и он. Хоть бы ему там голову свою дурную сломить!

— Поберегись! К живому-то мы уж приладились, на дороге не зевай — и не затопчет. А вот что он мертвым станет творить?

Ответить на этот вопрос не взялся бы ни один чародей. Собеседники умолкали, осеняя голову знаком огня и держась каждый за свой оберег. Все-таки на сердце было легче при мысли, что в ближайшее время Серебряного Волка не будет в Чуроборе.

Княжич Огнеяр был оборотнем, рожденным княжной Добровзорой от Огненного Змея. Не все в это верили, но князь Неизмир знал, что это правда. Двадцать лет назад все случилось у него на глазах. Был сумрачный вечер месяца капельника, но вся капель уже замерзла, прихваченная холодом подступающей ночи. Княжна с подругами гуляла по берегу Белезени и уже направлялась домой. Неизмир, тогда еще молодой сотник в дружине князя Гордеслава, с десятком отроков провожал княжну. Вдруг земля дрогнула под ногами, резко свистнул холодный ветер, и из-под обрывистого берега вылетел огненный шар. Истошно закричали женщины, отроки по привычке схватились за оружие, но руки-ноги у всех онемели, никто не мог даже двинуться. Огненный шар развернулся и принял очертания летящего Змея. Молнией Змей пал на застывшую в ужасе княжну и поглотил ее, завертел в столбе ослепительного пламени, а потом мгновенно рассыпался искрами и исчез. Княжна осталась лежать замертво на сыром холодном берегу среди полурастаявшего снега. Все произошло так быстро, что случайные свидетели даже не все успели обернуться на крики. Но тем, кто стоял рядом, казалось, что этот ужас длился нескончаемо долго.

Княжну не чаяли найти живой, но она дышала, только очень тихо. Три дня и три ночи она оставалась без памяти, металась, рвала на себе рубаху и бессознательно просила воды, льда, снега. Ее сжигало подземное пламя, и ни лед, ни самая холодная ключевая вода не могли облегчить ее жажды. Ведуны и чародеи не знали, как ей помочь, и сами побаивались с ней оставаться. Волхвы уже стали поговари-

вать, что Велес требует княжну в жертву, предрекали беды. Князь Гордеслав наполовину поседел за эти три дня. А на четвертое утро княжна пришла в себя и постепенно поправилась. Но никому и никогда она не сказала ни единого слова о том, что было с ней внутри огненного столба.

А через пару месяцев обнаружилось, что она ждет ребенка. Сначала об этом зашептали женщины княжьего двора, потом заговорил весь Чуробор. Не все верили, что ребенок дал княжне Огненный Змей. А князь Гордеслав не знал, как было бы лучше — окажись отцом Велес или попросту кто-нибудь из молодых чуроборских витязей, хоть тот же Неизмир, открыто восхищавшийся красавицей Добровзорой. Но сам-то Неизмир знал, что он здесь ни при чем.

Младенец родился в зимний Велесов день, завершающий новогодние праздники. Взяв дитя в руки, бабка-повитуха вдруг охнула и чуть не выронила — вдоль его спинки тянулась полоска серой шерсти, мокрой, нежной, тонкой, как у новорожденного щенка. Или волчонка.

И тут уж всем стало ясно, что среди молодых витязей виновного искать нечего.

В Чуробор призвали самого мудрого из волхвов-прорицателей всех дебрических земель, прозванного Двоеумом. Он долго смотрел в воду перед огнем со священными травами, накалил в пламени клинок ножа и читал на нем знаки, не видимые обычному взору.

— Сам бог Велес, Подземный Хозяин, явился твоей дочери Огненным Змеем, — наконец сказал он Гордеславу. — Послал Велес в мир земной своего сына и твой род избрал для него. И вижу я в знаках Огня, что непроста будет его судьба. Послал его Велес не впустую, есть у него назначение — принести смерть одному из властителей мира земного. А кому — того не открыли мне боги. Вижу я, что здесь битва богов продолжается, битва Перуна и Велеса. Более ничего не открыто мне.

Рождение Огнеяра вызвало много толков в Чуроборе, во всех дебрических землях и со временем во всех говорлинских племенах, куда слухи доставлялись вездесущими торговыми гостями. Многие склонялись к мысли, что младенца следует если не пустить по водам на волю его отца-Велеса, то по крайней мере отдать на воспитание в святилище, где он опять же служил бы своему божественному отцу. Но княжна Добровзора с самого рождения полюбила сына больше всего на свете и не желала расставаться с ним, а князь Гордеслав не мог огорчить свою дочь и единственную наследницу.

Через полгода после рождения внука князь Гордеслав выдал дочь за Неизмира, и тот стал наследником чуроборского стола. Неизмир происходил из знатного воеводского рода, из числа его предков дебричи неоднократно избирали себе воевод, и он был достойной парой Добровзоре. Но любила она другого человека, и Неизмир знал, что почетным жребием обязан только Огнеяру. Вернее, его появлению на свет, после чего женихи отшатнулись от красавицы Добровзоры — соперничать с Велесом никто не хотел.

В год смерти деда Огнеяру было всего шесть лет и никто еще не знал, что из него получится. Обратни и подменыши не живут долго, и люди ждали, что сын княгини умрет, не дожив и до семи лет. Но он жил, словно назло общему толку, рос здоровым и крепким, смелым и задиристым. В детских потасовках, а потом в подростковых воинских учениях он побивал не только всех сверстников, но и противников старше себя. Он был азартен, ловок, неутомим, настойчив до упрямства, свободолюбив и непокорен. Отчима он не ставил почти ни во что, и только мягкосердечной и ласковой княгине удавалось поддерживать мир между сыном и мужем. Кроме матери, Огнеяр уважал только деда Гордеслава, а после его смерти очень чтил его память. Для посвящения в воины отчим заказал для него меч, но

от меча Огнеяр отказался и потребовал дедову секиру. С тех пор он не расставался со своим оружием, и вид его каждый день заново напоминал Неизмиру о неповиновении пасынка. В этом он видел прямое неуважение к себе, но молчал, не изливая недовольства даже перед женой. С самого детства в глазах Огнеяра был замечен багровый отблеск Подземного Пламени, противного Небесному Огню. Каждый, кому хоть раз случалось заглянуть в глаза сыну Велеса, уносил в сердце трепет и страх перед его полубожественной-полужвериной мощью. Даже князь Неизмир.

У княжеской четы не было другого потомства — должно быть, Велесово пламя выжгло Добровзору и больше иметь детей она не могла. Как видно, Велес не хотел, чтобы у его сына были братья. Вся страсть материнской любви княгини была отдана единственному сыну, так что даже на долю мужа в ее сердце оставалось не много места. И это было еще одной причиной, мешавшей Неизмиру питать к пасынку добрые чувства. Двадцать лет он жил под одной крышей с Огнеяром, скрывая страх, замечал красные отсветы в его глазах. И двадцать лет он думал, не его ли жизнь пришел оборвать сын Велеса. Этот страх лишал князя всех радостей жизни, сделал саму жизнь невыносимой. И вот сегодня, проводив пасынка на охоту, Неизмир надеялся, что этому придет конец.

* * *

Выехав в поле, Огнеярова Стая прекратила свист и вой — незачем пугать дичь раньше времени. Сам Огнеяр скакал впереди, выбирая дорогу, и никто из отроков не давал советов и не приставал с вопросами. Вожак во всем разберется сам. Огнеяр с удовольствием подставлял лицо свежему прохладному ветру, жадно вдыхал запахи инея на ветках, прелой листвы, еловой хвои. Пришла наиболее

любимая им пора года — предзимье, время первого снега, когда так хорошо видны следы. Земля теперь заговорит в полный голос — где проскакала молодая куница, где прошел старый кабан. Но до поры глубокого снега, по которому не побегаешь, еще далеко, и все дороги открыты перед тобой — лети, куда глаза глядят. Зима раскрывала белый свет на все четыре стороны, на все семьдесят ветров. В эту пору Огнеяр почти не видала дома. Между белым снегом и темным небом он чувствовал себя свободным и сильным. И сейчас, предчувствуя близкий снегопад, Огнеяр готов был выть от восторга, гнать и гнать жеребца без остановки до самого края света.

Возле дубравы Огнеяр придержал коня, повернулся по ветру, незаметно для взгляда потянул ноздрями. Чуткости его нюха мог бы позавидовать настоящий волк. Воздух для него был соткан из десятков и сотен запахов, и каждый он с легкостью читал, как умелая вышивальщица читает священный узор. Из дубравы явственно несло густым, теплым, дразнящим запахом кабанов. Огнеяр различал запахи, как ветки в банном венике, знал, сколько здесь кабанов и какие они — охота обещалась славная. Вот и следы, хорошо заметные на подмерзшей грязи. Взмахом руки Огнеяр послал свою Стаю в обход дубравы. Каждый отлично знал свое место и свою задачу.

Растянувшись редкой цепью, Стая охватила дубраву полукольцом, и по данному знаку два десятка молодых волков взвыли за деревьями. Не то что кабаны — настоящие волки не отличали голоса Огнеяровых отроков от голосов своих собратьев. Выпевая охотничью песню, отроки шли через дубраву, а впереди них ломилось перепуганное стадо, наевшееся желудей, — прямо на рогатины оставшегося десятка, где был и сам Огнеяр.

Вдруг из глубины послышался голос одного из загоняющих:

— Братцы, медведь!

— Берлога! — закричали другие. — Медведя подняли!

Огнеяру уже не нужны были слова — в порыве ветра со стороны рощи он и сам уловил запах взрослого сильного медведя. В досаде Огнеяр закусил нижнюю губу — этого он не ждал. Бобер глупый, да вон же затес на стволе — а ростом Хозяин на две головы повыше тебя, Дивий, вон куда достал!

Из рощи слышался треск веток, рычание зверя, разгневанного нарушением его первого предзимнего сна. Только-только он нашел себе уютное местечко, сгреб мягкую охапку листвы и веток, залег и мирно задремал, дожидаясь теплого снежного одеяла, а тут на тебе! Свирепо рыча, медведь ломился к опушке, туда, куда его невольно погнали загонщики.

Отроки на опушке изготовили рогатины, но Огнеяр резко махнул рукой.

— Не тронь! Назад все! К лошадям! — крикнул он, и отроки отошли ему за спину, к лошадям, привязанным в нескольких десятках шагов от опушки.

Кто-то протянул ему рукоять рогатины, но княжич отмахнулся: не надо.

Медведь вырвался на опушку. На задних лапах он был выше на голову даже Тополя, самого рослого из Огнеяровых отроков. На опушке он ненадолго остановился, приняхиваясь. В нос ему бил запах кабанов, коней, людей и волков. Со сна он был зол, а соображал плохо. Зажатый между врагами позади и впереди, медведь собирался драться за свою жизнь. Одно движение — и он яростно ринется напролом, не разбирая дороги и круша всех на своем пути.

Но сейчас перед его подслеповатыми глазками был всего один противник. Из оружия с Огнеяром был только нож в посеребренных ножнах.

Тот, кого князь Неизмир провожал глазами, подумал, что, может быть, Лесной Хозяин избавит его от хлопот. Медведь силен и зол — без рогатины против него не устоять.

Ожидая медведя, Огнеяр подобрался, в нем проснулась его звериная сущность — он стал смотреть как зверь и думать как зверь. Волк и медведь — не враги, двоюродные братья по деду Велесу, близкая лесная родня. Огнеяру не нужна была смерть Лесного Хозяина, и он хотел попробовать договориться.

Из горла его вырвалось глухое рычание. Медведь повернулся к Огнеяру. Он видел плохо, а в нос ему бил резкий запах волка. Огнеяр смотрел прямо в маленькие медвежьи глазки, взор его загорелся красным. И медведь увидел на его месте не человека, а волка — молодого, сильного волка с гладкой серой шерстью и крепкими зубами. «Не сердись, хозяин, — уловил он в тихом рычанье и удивился — далеко не всякий волк мог говорить по-медвежьи. — Я не на тебя охотился. Не знал, что ты тут зимуешь».

«Не учуял — нос заложило? — гневно прорычал медведь, готовясь ударом когтистой тяжелой лапы отбить прыжок. — Вот подойди только!»

«Кабаны запах перебили. Я не со злом. Я уйду. Спи себе».

«А ты потом опять явишься со своей стаей? Когда я спать буду?»

Медведь угрожающе подался к Огнеяру. Отроки стиснули рукояти рогатин, но не двинулись с места.

«Велесом клянусь — не приду. Будь мне другом».

Злоба в глазах медведя погасла. Он услышал Слово, которому не мог не подчиниться. Став опять на четыре лапы, он повернулся и скрылся в чаще.

«Договорились», — с облегчением подумали отроки. И никого это не удивило — многие видели и не то. Сын покровителя лесных зверей понимал языки всех звериных и птичьих племен и на многих мог говорить сам. В Чуро-

боре любили поболтать о том, что, дескать, на ловах княжич всю свою дружину превращает в волков или соколов, но это была неправда. Превращать людей в зверей Огнеяр не умел. Однако, если кого-то из его отроков об этом спрашивали, никто не спешил опровергать эти толки. Утреч, мастер поговорить, сочинял такие басни, что слушатели его раскрывали рты. Даже самому Огнеяру порой случалось заслушаться воображаемыми рассказами о собственных небывалых делах.

— А знатная зверюга! — с сожалением сказал Утреч, веселый светловолосый парень и страстный охотник, провозжая взглядом скрывшегося в чаще медведя.

— Не на него шли! — ответил ему Огнеяр, подходя ближе. Он дышал чуть чаще обычного и на ходу утирал тыльной стороной ладони взмокший лоб. — Кабаны — они свиньи и есть, их Велес и развел нам на пропитание. А Хозяин — дело иное, его просто так, спросонья, бить не годится!

«Родич, стало быть!» — улыбаясь, подумал Утреч, но вслух ничего не сказал.

— Жаль — свиней-то упустили! — вздохнул Тополь, высокий, прямой, стройный парень.

— Не последние! — утешил его Огнеяр и стал отвязывать Похвиста. — Чего встали? Давай догоняй!

* * *

На третью ночь после отъезда из Чуробора Огнеярова Стая остановилась на займище рода Моховиков, неподалеку от берега Белезени. Две ночи они провели под открытым небом возле костров, но сегодня Огнеяр, оглядев небо и приняхавшись к ветру, определил, что ночь будет очень холодной. А зачем напрасно мерзнуть, если можно поспать в тепле?

Хозяева приняли Огнеярову Стаю с опаской, но отказать в гостеприимстве не могли — и с князем поссориться, и соседи застыдят. Чуроборского княжича знали по всей Белезени, по всему племени дебричей. Никто не мечтал принимать его у себя, но тех, кто принимал, потом долго осаждали расспросами.

На займище в кольце бревенчатого тына стояло по кругу шесть-семь изб. Из каждой дверной и оконной щели выглядывали блестящие любопытством глаза женщин и детей. А двор займища наполнился шумом, топотом и ржаньем коней, которых привязали к крыльчкам по всему двору, звоном оружия и упряжи, голосами чуроборцев.

Огнеяра и его отроков провели в беседу — обширную, вдвое больше обычного избу, где осенью и зимой девицы и женщины собирались на посиделки, мужчины — на советы, где останавливались княжеские сборщики дани, заезжие купцы и вообще кому придется. В открытом очаге посередине развели огонь, отроки стали жарить добытого по пути оленя. Вторую тушу Огнеяр отослал старейшине в благодарность за гостеприимство.

Вскоре к ним стали понемногу заходить хозяева — кто принес кваса, кто брусники, кто капусты и репы. На самом деле всем очень хотелось посмотреть на княжича поближе — он еще не бывал у Моховиков, а наслышаны они были о нем порядочно.

Явился и сам старейшина, Взимок, старик с густой и широкой седой бородой, щуплый и разговорчивый. Подарок успокоил его тревогу и раздразнил любопытство.

— Ко времени олень ваш пришелся, благо вам буди! — говорил он, усевшись на край лавки у очага, под охраной родовых чуров. — У нас веселье нынче, всю родню угощаем.

— Что же за веселье?

Огнеяр сидел прямо на полу возле горящего очага и поглядывал на старейшину снизу вверх, но это его не смущало.

К тем досадным условностям, что называются княжеским достоинством, он всегда был равнодушен. Гораздо больше смущался сам Взимок, вынужденный сидеть выше княжича. Все хотел встать, но терялся, не в силах сообразить, как следует держать себя с чуроборским оборотнем. Отблески огня играли в темных глазах княжича, и мороз пробежал по коже Взимока от одного их взгляда. Старик так напугал сам себя слухами и тревожными ожиданиями, что теперь видел признаки дурной ворожбы там, где ее вовсе не было.

— Сговор у нас нынче! — важно отвечал Взимок, стараясь не показать, как ему неудобно. — Дочку нашу приехали сватать из рода Лисогоров, вот и сговорили их нынче на добрый век.

— То-то я чую — пивом и медом малиновым пахнет! Что же нас не позовете? — живо спросил Огнеяр. — Мы песни славно петь умеем, а?

Княжич бегло окинул взглядом своих отроков, и они одобрительно засмеялись. В Чуроборе они не пропускали ни одной свадьбы, и часто после этого «с прибылью» оказывалась не только новобрачная.

— Да, того... — Старейшина замялся. — У нас в роду обычай от чуров идет — сговоренной невесты никому не показывать, из избы не пускать. А то...

— А то я темным глазом испорчу! — досказал Огнеяр то, что сам Взимок не смел произнести. — Не робей, старче, я и не то слышал. Не хотите невесту показать — не надо, ваше право. Скажи только, когда свадьба, — тура с лова вам пришлю.

— Спасибо, княжич! — Взимок с облегчением поклонился. — В Макошину неделю свадьба, на второй день. Сейчас пирогов вам еще пришлем.

Взимок поклонился еще раз и пошел к дверям, перешагивая через охапки соломы для ночлега гостей.

— Гусли пришли! — крикнул Огнеяр ему вслед.

Вскоре в сених снова заскрипели двери и зазвучали шаги. В истобку вошли три девушки, видно, самые смелые или самые любопытные во всем роду. Они несли целую гору пирогов в деревянной кадлушке, накрытой вышитым рушником, а провожали их два парня. Один нес гусли, заботливо завернутые в кусок медвежьей шкуры.

Отроки оживленно загомонили, радуясь девушкам еще больше, чем пирогам, вскочили с мест, освобождая дорогу к столу. Смущаясь и краснея, девушки выложили пироги на стол и хотели идти, но отроки их не пускали.

— Посидите с нами! — наперебой кричали отроки. — Мы не обидим! Про Чуробор расскажем! Песни споем! Уважьте гостей!

Девушки переглядывались, теребя обереги на груди, и сами не знали, уйти им или остаться. Чуроборские отроки вызывали опасение и жгучее любопытство. Долгими месяцами девушки не видели у себя на займище никого, кроме своих родовичей, и им очень хотелось разглядеть гостей получше. Каждая чуть ли не с детства знала всех парней из окрестных родов, пригодных в женихи, а тут вдруг сразу столько новых лиц! Причем далеко не самых безобразных.

— Больно вы ловки — оленей наловили, за нас взялись? А не лопнете? — бойко отговаривалась старшая из девушек, высокая и статная красавица с русыми, рыжеватыми толстыми косами, серыми глазами, чуть широко расставленными, и россыпью веснушек на белом лице, не исчезнувших даже в осенние холода.

— В лесу оленей много, а таких красавиц еще не встречали! — отвечал ей Тополь. — Как тебя звать?

— Березкой, — смело ответила девушка, и отроки дружно расхохотались.

— А меня Тополем, — ответил ей отрок, и девушка тоже рассмеялась.

Тополь и береза — прародители рода человеческого. Оба высокие, стройные, с русо-рыжеватыми волосами, они даже казались в чем-то похожи и сразу понравились друг другу. Без долгих разговоров Тополь взял Березку за руку и увел в угол. Березка упиралась, но больше для вида. Очень скоро они уже болтали и смеялись, будто век были знакомы.

Видя, что Березка решила остаться, две другие девушки тоже сели на лавку перед огнем. Вторая, со светлыми мягкими косами и серо-голубыми глазами, не была такой красивой, но лицо ее отражало добрый и мирный нрав. Один из пришедших с ними парней сразу сел на пол возле ее ног, и никто из отроков, поняв молчаливый намек, не трогал ее, чтобы не ссориться с хозяевами.

Третья девушка была совсем еще юной, не больше пятнадцати лет на вид, русоволосой и сероглазой, со свежим румянцем на открытом лице. Она оглядывала длинноволосых отроков без робости, с дружелюбным любопытством, и кого-то искала среди них.

Огнеяр, по-прежнему сидевший на полу возле очага, быстро обежал взглядом двух девушек и остановился на третьей. Он и сам сначала не понял, чем она привлекла его внимание. В Чуроборе было немало красавиц, но все они казались дурнушками рядом с его матерью, княгиней Добровзорой. Не шла с ней в сравнение и эта девушка из лесного рода, но в лице ее было чистосердечное дружелюбие, интерес без примеси праздного любопытства и пустой боязни. Нечасто Огнеяру случалось встречать такие светлые лица, такие открытые взгляды.

Княжич негромко свистнул, и отроки между ним и девушкой мгновенно раздались в стороны. Девушка встретила его взгляд и почти тут же отвела глаза. Она казалась смущенной, но не испуганной.

— Берите пироги! — Тем временем вторая девушка угощала отроков. — Свежие, мы только нынче утром для

сговора пекли. Вот тут с грибами, маленькие с брусникой... Да бери сразу, тебе на один зуб! — Она улыбнулась и всунула в руки Кречета сразу три пирога. — А кто с мясом хочет, вот эти, длинные. Сестры, да помогите же!

Березка в углу была занята беседой с Тополем, а третья девушка тоже стала раздавать пироги. Огняр ждал, когда она подойдет к нему. Она и правда подошла.

— Попробуй нашего угощения, княжич! — сказала она, протягивая ему румяный пирог. — Хорошо удались — как будто знали про вас.

— А ты откуда знаешь, что я княжич? — спросил Огняр.

Ни одеждой, ни волосами он не выделялся среди других, браслеты, гривны на шее или серьги в левом ухе многие отроки носили и побогаче, чем у него. Но девушка выбрала в княжичи его, ни на миг не усомнившись.

— Откуда? — Девушка посмотрела наконец ему в глаза, словно удивленная вопросом. — Видно же...

— Что видно?

Она все еще протягивала ему пирог, и Огняр взял ее руку с пирогом, чтобы не убежала. А она смотрела ему в лицо, как будто искала ответ, что же ей видно. Пламя причудливо играло в чертах его смуглого лица, правильных и немного резковатых, глаза у него оказались темно-карие, с очень большим зрачком, и в самой глубине их тлел красный огонек. Или это отблеск очага? Или ей мерещится? О нем столько разного говорили, что она ждала увидеть чуть ли не Змея Горыныча, а увидела простого парня... Нет, совсем не простого. Угольная чернота его бровей, темный румянец на скулах, блеск снежно-белых зубов сразу отпечатывался в сознании, весь облик Огняра был какой-то резкий, выделяющийся и западающий в память с первого взгляда. Что-то неуловимое отличало его от людей. От людей, потому что он не был человеком. И это

отличие бросилось ей в глаза с первого же взгляда, хотя она не смогла бы объяснить, в чем оно.

— Так возьмешь? — не найдя ответа, сама спросила она о пироге.

При этом ей подумалось — если нечисть у тебя возьмет еду, то не обидит, даже поможет.

Огняр усмехнулся, словно услышал ее мысли.

— А думаешь, нет? — вызывающе спросил он. — Думаешь, я только живой кровью питаюсь, добычу клыками рву?

Не давая девушке времени ответить, он быстро потянул ко рту ее руку с пирогом. Девушка вскрикнула и дернулась, — ей показалось, что сейчас Огняр ее укусит. Парень у стола вскочил с места, готовый броситься на выручку сестре. Но Огняр откусил от пирога и выпустил руку девушки. Она уронила пирог, отступила назад, перевела дыхание. Она слышала, что отроки вокруг смеются, смеется и сам Огняр, и застыдилась своего испуга. Поправляя волосы, чтобы скрыть смущение, она кинулась поднять пирог, рука ее встретилась с рукой Огняра, и девушка снова отпрянула.

— Не бойся, не съем! — весело сказал Огняр, снова откусывая от поднятого с соломы пирога. Смятение этой юной и миловидной девушки забавляло и странно трогало его, на сердце у него потеплело, на душе стало вдруг хорошо, как давно не бывало. — Не сама пекла?

— Нет, это здешние, — смущенно ответила девушка, пытаясь улыбнуться и приглаживая без того гладкие волосы на висках.

— А ты ведь не здешняя?

Огняр успел разглядеть, что у нее не две косы, как у других, а одна, и рубаха вышита как-то по-другому, — он не разбирался в хитростях женских рукоделий, но видел разницу.

— Из Вешничей мы, — ответил тот парень. — Невеста нам по матери двоюродная сестра, вот мы на сговор и пришли. Сестра, иди сюда.

Светло-русыми волосами и лицом парень был так похож на девушку, что всякий догадался бы — они не просто из одного рода, у них общий отец и общая мать. Потянув сестру за рукав, парень заставил ее отойти от Огнеяра и усадил на лавку. Утреч привычно сделал Огнеяру вопросительный знак бровями — не увести ли как-нибудь строготого брата? Но Огнеяр не ответил.

— Э, да ты гусли принес! — воскликнул он, заметив гусли в руках у второго парня. — Давай сюда!

Взяв гусли, княжич бережно развернул кусок медвежьей шкуры и повернул их к огню, разглядывая резьбу, украшавшую верхнюю крышку. В гуслих он разбирался не хуже, чем в оружии, и мог на глаз определить, сколько им лет, в каком племени и даже в каком из Велесовых святилиц они сделаны.

Огнеяр не знал, какой жаркий спор разгорелся у Моховиков из-за его просьбы. Гусли эти хранились в роду уже шесть поколений и считались священным оберегом Моховиков. Давать такую вещь в руки чужаку, да еще, по слухам, и оборотню, было опасно. Но ведь он княжеского рода — к чему прикоснется, то счастливым сделает! А что оборотень — ведь самого Велеса сын, а песенный дар людскому роду дал Велес. Короче, Огнеяру принесли гусли, и почти все родовичи, кроме жениха с невестой, постепенно собрались в беседе послушать, как он на них сыграет.

Огнеяр устроился поудобнее, позвенел струнами на пробу, недолго призадумался, оглядел слушателей.

— Коли у вас сговор, я вам сговорную песню спою! — объявил он. — Может, и на свадьбу тогда позовете!

Моховики переглянулись, а Взимок беспокойно заерзал на месте. После второго намека не позвать княжича будет

невежливо, а ведь боязно! Кто их знает, оборотней? Да и отроки его тоже, по всему видно, не промахи — нарожают девки после выводок волчат!

А Огнеяр глянул на девушку из Вешничей, глаза его блеснули в свете огня, и он запел:

Козушка белоногая по горушке ходила,
Дразнила, подраживала она серого волка:
«Волчушко серенький, я тебя не боюсь,
Я тебя не боюсь, за тыном схоронюсь!»
Не разгадала да и козушка, что поутру будет:
Тын как был стоит, а козушки нет!

Родня лисогорского жениха с удовольствием усмехалась, слушая, как сам княжич прославляет успех сватовства их парня. Моховики опять переглянулись: песня волка заставила их встревожиться о своих козочках. А Огнеяр уже запел новую песню:

Ах, нынешня зима непогожлива была,
Непогожлива была, все метелица мела,
Заваяла, занесла, все дорожки замела!
Ах, нету мне пути, как мне к ладушке пройти?
Я по лесу поскачу серым волком,
Через речку полечу ясным соколом,
Через тын перескачу горностаюшкой,
А на двор войду добрым молодцем!

Забыв обо всем, хозяева слушали его, женщины не сводили с княжича глаз, теперь он им всем казался красавцем. Глубокий, низкий и при этом легкий голос лился, как широкая могучая река, завораживал, проникал прямо в сердце, минуя слух. Каждый из слушателей в себе самом ощущал любовь и стремление к любимому существу, неизмеримые силы, чтобы идти к нему. Эта любовь заполняла весь мир и наполняла жизненными соками, но где-то

в глубине ее слышалась тоска по несбыточной мечте — ведь Велесу, зимнему жениху прекрасной Лели-Весны, любовной тоски достается гораздо больше, чем краткой и обманчивой радости. Так мог петь только сын самого Велеса.

И больше всех им была очарована молоденькая девушка из рода Вешничей. Он смотрел на нее, пока пел, и она не отводила глаз, всем существом впитывая любовь, что обещала его песня. Слова ее девушка знала и раньше, но теперь саму себя ощутила богиней Лелей, вечно желанной для сумрачного Подземного Хозяина. Вода весенних ручьев потекла в ее жилах, весеннее солнце засверкало в очах. Прежде весь ее мир был ограничен своим займищем да несколькими соседними, родовыми угодьями, полями, ближним лесом и рекой, но он, чуроборский княжич и оборотень, вдруг раскрыл перед ней огромный мир, неоглядный по ширине и глубине. Сами очертания привычного мира дрожали, становились прозрачными. И сквозь них проглядывало совсем иное бытие — медленно дышащее, лишённое времени, лишённое четких границ и ограниченный, но живое! Туда могут заглянуть только самые мудрые ведуны и чародеи, но сейчас и она, простая девушка из рода Вешничей, видела эти миры, и не в воде гадательной чаши, а в глазах чуроборского оборотня. По рассказам она представляла его чудовищем, а на деле он оказался так прекрасен, что захватывало дух от одного его присутствия. Хотелось без конца смотреть ему в лицо, загадочное под пробегающими тенями от огня, слушать его волшебный голос. Он все это может — и серым волком, и ясным соколом, и добрым молодцем...

А что-то в глубине сознания настойчиво предостерегало: берегись, он — волк, никто не знает, что у него на уме и чего от него ждать. Он сам был как огонь — и согреет, и обожжет. Ведь недаром первый же поцелуй Велеса погружает Лелю в сон, схожий со смертью, — и не Велесу

дано пробудить богиню-весну к новой жизни, а другому, совсем другому...

Огнеяр замолчал, звякнули в последний раз бронзовые струны и стихли, будто жалуясь, что никакая красота не может жить вечно. И в наступившей тишине ясно прозвучал где-то вдали волчий вой. Все вздрогнули, а Огнеяр сдвинул гусли с колен и мигом оказался на ногах, вскинул голову, прислушиваясь. Люди молчали, не мешая ему, тоже слушали, хотя не могли услышать то же, что и он. Далекий волчий вой разливался под небом, и в нем было что-то от ворожбы только что отзвучавших песен.

— Это он, — хрипло сказал Огнеяр, словно боролся с желанием на вой ответить воем, и всех пробрала дрожь от его изменившегося голоса. Только что он был богом, а теперь в нем поднял голову зверь, и всем стало так жутко, будто перед очагом вдруг оказался настоящий косматый волк. — Это Белый Князь Волков. Он говорит, что этой зимой его охота — здесь.

— Как так — здесь? — Взмок первым опомнился и тревожно завертелся на месте. — Куда нам еще? У нас и так волков развелось — страсть! И так боимся — не то к войне, не то к мору повальному.

— Княжич наш ясный! — подала голос одна из женщин. — Ты бы оборонил нас от них!

Опомнившись, все наперебой стали просить Огнеяра защитить их от Князя Волков. Поверив в дружелюбие оборотня, все в нем увидели лучшую защиту.

Огнеяр молча выслушал просьбы, а потом резко затряс головой, так что пряди черных волос закрыли ему лицо.

— Поговорить — поговорю, — сказал он наконец. — А не захочет Князь Волков уйти — в драку не полезу. Я ему не указ.

Никто не ответил ему, уговоры прекратились. Отроки знали, что при всей своей любви к охоте Огнеяр не убил

ни одного волка. А Моховики поняли: волк для Огнеяра зверь заповедный. Все равно что брат.

* * *

Вскоре Моховики разошлись, тот парень из Вешничей увел сестру, не дав ей даже оглянуться на Огнеяра. Гости улеглись спать. Огнеяр устроился возле самого очага, но долго не мог уснуть, ворочался, то и дело поднимался и подкидывал дров к огню. Вдали разливался волчий вой, и он ясно различал голос Князя Волков. Огнеяру не приходилось встречать старого Князя, хромого на переднюю правую лапу, но он не раз видел его следы и хорошо помнил его запах. Протяжным воем старый Князь оповещал всех, имеющих уши, что этой зимой он со своей стаей охотится над Белезенью и горе тому, кто явится сюда без его позволения. Его предупреждения и угрозы не касались Огнеяра, рожденного человеком и живущего в человеческом облике, но внутри него медленно и неуклонно поднималось раздражение. Протяжный вой холодным сквозняком втягивался в уши, и Огнеяр сжимал зубы от подступающей злобы, вызов сам собой зарождался в его груди, рвался в горло. Хотелось выйти во двор, поднять голову к небу и ответить, сказать Хромому Князю, что он, Огнеяр Серебряный Волк, будет со своей Стаей охотиться там, где захочет, и угрозы старого хромого пса его не пугают.

Наверное, Князь тоже когда-то встречал его следы.

Промучившись какое-то время, Огнеяр встал и вышел из избы во двор. Накидку и плащ, которым укрывался, он оставил на полу, но холод его не пугал — внутри него самого жарко горел огонь, давший ему жизнь. Во дворе было темно и тихо, нигде не слышалось голосов, все окошки были задвинуты заслонками.

Займище спало, и в одной из этих тихих изб была и она — девушка из рода Вешничей. Спит она или слушает этот вой в лесу? При мысли о ней Огнеяру вдруг расхотелось выть — она испугается, пожалуй. Подумает, что он такой же зверь, как и старый хромой Князь Волков. А Огнеяру не хотелось, чтобы она так думала. Теплый человеческий мир ее серых глаз неожиданно приласкал его, и ему было жаль рушить это драгоценное ощущение.

Огнеяр сел на ступеньку крыльца, посмотрел в темное небо. Князь Волков все выл, приветствуя наступающую зиму. Его низкий вой навевал Огнеяру неприятные, тревожные мысли — чем еще зимние ловы Князя Волков и его стаи обернутся для окрестных родов? Все-таки по своей человеческой половине он принадлежал к роду дебрических князей и благополучие племени было для него важно. Единственное, что могло бы толкнуть его на охотничью тропу Хромого Князя, — это угроза людям. Люди были его, Огнеяра, Стаей, и он никому не позволял ее обижать.

«Нет, хромой старик, сюда ты не сунешься, — думал Огнеяр, чутко прислушиваясь к далекому вою. — К жилью я тебя не пушу, не надейся». Правда, за Вешничей можно и не беспокоиться — у них в ельниках живет сам Князь Кабанов, а к его стаду не подступится даже Хромой.

Старый волк все выл, но Огнеяр встал со ступеньки и повернулся к двери. Пусть она не считает его зверем. Да и нечего злиться — молод еще на старого Князя зубы скалить. Князь Волков живет семь веков — а Огнеяр только первый век начал.

Удар обрушился, когда он шагал через порог. Глядя под ноги, Огнеяр не успел ничего заметить и ощутил только, как холодный клинок скользнул по его груди против сердца и сорвался вбок, только прорвал рубаху. Зверь внутри него каждый миг готов был к защите, а далекий вой старого Князя обострил эту готовность. Для человека в сенях

было темно, но волчьи глаза Огнеяра ясно различали черную человеческую фигуру возле самого порога, беспомощную в первый миг после нанесенного удара. Этого мига Огнеяру было достаточно — извернувшись, он оказался за спиной у нападавшего и сильным ударом в голову отбросил его к стене. Черная фигура влетела в ряд бочонков и упала, что-то загрохотало и обрушилось. Огнеяр стоял, готовый встретить новый выпад, но его противник только дернулся и бессознательно застонал.

В истобке мгновенно послышалось движение, дверь резко скрипнула, в сени выскочили растрепанный Тополь, Утреч, Кречет, за ними лез кто-то еще, ругаясь, что его не пускают. Тополь первым увидел Огнеяра, и на его лице отразилось облегчение.

— Чего ты? — в досаде за напрасную тревогу воскликнул отрок. — Я слышу — грохочет в сенях, глядь — тебя нет. Чего ты тут буянишь?

Утреч огляделся с хитроватым видом — искал девушку. Но увидел лежащего у стены, и лицо его мигом переменялось. Огнеяр сам подошел к противнику, присел рядом и перевернул того лицом вверх. Тополь открыл дверь пошире, чтобы пропустить свет очага.

— Да отойдите вы, лешачьи дети! — крикнул он на отроков: возбужденно и тревожно гудя, те пытались через узкую дверь прорваться в темные сени и посмотреть, что случилось. — Дайте огня!

Из истобки ему в руки передали горящую смолистую ветку. Тополь опустил ее к лежащему. И все увидели парня с длинными волосами, в рубахе со знаками огня, как на них на всех. Лицо с закрытыми глазами все хорошо знали. В первый миг отроки онемели от изумления.

— Трещага! — воскликнул Утреч, опомнившийся первым, и поднял глаза на Огнеяра. — Да ты что? Что вы с ним не поделили? Ты его за кикимору, что ли, принял?

Огняр не ответил. Он сидел на корточках над Трещагой, закусив нижнюю губу, лицо его стало угрюмым и замкнутым.

— Э, глянь! — Кречет заметил возле порога блеск клинка, перегнулся через лежащего и поднял длинный охотничий нож с костяной рукояткой. Нож был Трещаги, и это тоже все знали.

— Он что — на тебя? — с недоумением спросил Утреч. Не в силах так сразу взять все в толк, он переводил растерянный взгляд с ножа в руке Кречета на лежащего Трещагу.

Огняр даже не кивнул в ответ, но и так было ясно, что Утреч не ошибся.

— Давай, тащи! — хмуро сказал Тополь, уже все понявший. Сунув кому-то в руки догорающую ветку, он взял Трещагу за плечи. — Не до утра же тут сидеть...

Трещагу перетащили в истобку и уложили на полу, огонь в очаге разожгли поярче. В беседе не смолкал гул возмущенных и удивленных голосов: Стая не могла взять в толк, как это один из них оказался таким подлецом и замыслил убить вожака. И как убить — исподтишка, безоружного.

— За сестру, что ли? — неуверенно предположил Ярец.

— За сестру! — презрительно воскликнул Кречет. — А он тут при чем? Девка — дура, а он опять виноват?

Как положено стае, Стая Огняра крепко стояла за своего вожака. Те, кто ему не верил, здесь не держались. А историю с сестрой Трещаги все хорошо помнили. Прешлой зимой однажды вечером она столкнулась с Огняром в темных сенях и выскочила оттуда как ошпаренная, стала кататься по полу в клети, биться об пол и кричать в беспомощности: «Волчий глаз, волчий глаз!» Сам Огняр был в том же недоумении, что и все, а девка ударила головой об угол ларя и затихла. После этого она повредила рассудком и целыми днями теперь сидела, тупо

стуча пестом о дно ступы — с другой работой она не справлялась, — неумытая и нечесаная, а если кто-то из женщин подходил к ней с гребнем, она визжала, кусалась и замахивалась пестом. С приходом темноты, особенно осенью и зимой, она начинала беспокоиться, твердила про волчий глаз и не выходила из дома. И общая молва винила в ее помрачении Огнеяра. Мало ли чего он хотел с ней сделать в темных сенях? Кто их знает, оборотней?

— Да как же? — Другим отрокам это тоже не показалось убедительным. — Два года с нами, и ничего. А то вдруг — и с ножом! Может, он тоже того? — Кто-то со значением крутил пальцем возле лба.

— Что — сестра? — Кречет был больше всех возмущен предательством Трещаги. — Если думаешь, что виноват, — зови в поле на честный бой! А так — шею ему свернуть не жалко!

— Шею — не шею... — бормотал Искрен, внук чуроборского ведуна, сам понимающий в лечении. Он уже успел бегло осмотреть Трещагу и сидел возле него на корточках, задумчиво пощипывая маленькую светлую бородку. — А вот головой он здорово приложился. До утра нипочем не опомнится. А там, слышь, тоже про волчий глаз песню заведет.

Искрен невесело усмехнулся, заправляя за ухо длинную прядь.

— Собаке — собачья смерть, — проворчал Кречет.

— Да как же ты отбился? — Тополь заметил прорванную рубаху Огнеяра и тревожно сдвинул брови. — Искрен, ты бы лучше жожака посмотрел. Ты сам-то цел, Дивий?

— Цел, — коротко ответил Огнеяр, впервые после происшествия подав голос. От него ждали продолжения, и он усмехнулся: — Бобер глупый! Железо в огне куется, и меня батюшка Велес огнем отковал. Всякий нож — мне брат родной, и этот тоже бить не захотел, боком сорвался.

Огнеяр насмешливо прищурился. Его вдруг наполнило возбуждение, радостное удивление от сделанного открытия. Все сказанное пришло ему в голову лишь сейчас — раньше он только подозревал, что неуязвим для железа, но не был уверен и то, что до сих пор ему удавалось избегать ран, относил за счет собственной ловкости и удачливости. Но сейчас все это не годилось. Удар Трещаги, сильный и хорошо рассчитанный, должен был убить его. Клинок шел прямо в сердце, но сорвался, хотя на Огнеяре была одна рубаха. Выходит, нож сам не захотел его бить!

— Ладно. — Огнеяр прошел к очагу, где на охалке соломы лежала его волчья накидка. — Погудели — и будет, не пчелы. Спать давайте.

Отроки стали опять укладываться. Лица их помрачнели, каждому было досадно и даже стыдно, как будто все они несли какую-то часть вины за предательство одного. Тополь велел по очереди присматривать за Трещагой, а сам всю ночь дремал одним глазом, охраняя княжича.

Но Огнеяр остаток ночи спал по-волчьи — задремлет на чуть-чуть, потом проснется, оглядится и опять дремлет. Неприятное чувство от предательства Трещаги почти задало в нем всю радость от сделанного открытия. Трещага не принадлежал к ближайшим друзьям Огнеяра, как Тополь или Кречет, но всю Стаю Огнеяр ощущал как продолжение себя самого, и обнаружить в ней предательство было для него то же самое, что найти на теле зловерный нарыв. Если человек, много лет дравшийся рядом с тобой и деливший с тобой хлеб, вдруг оказывается предателем — это больше его смерти.

— Да спи ты! — не выдержав, шепотом прикрикнул на него Тополь.

— Больше среди нас таких нет! — проворчал Утреч, не открывая глаз.

Утром Огнеяр вышел из избы еще в сумерках. Моховики уже проснулись: из маленьких окошек тянулись серые струйки дыма, ворота были раскрыты, женщины и девушки шли через двор с ведрами на коромыслах. Огнеяр подошел к бочке возле крыльца, пробил тоненькую корочку льда, зачерпнул пригоршней воды и поднес к лицу.

— Давай я тебе полью! — вдруг услышал он рядом с собой нежный девичий голос.

Отняв ладони от лица, Огнеяр увидел вчерашнюю девушку из Вешничей, одетую в серый заячий полушубочек, покрытый простым серым сукном. Огнеяр смотрел на нее через мокрые волосы, упавшие на глаза, и молчал. И она молчала, не понимая, чему он так удивился.

— Как ты тихо подошла! — наконец сказал Огнеяр. — Я и не слышал!

— А ты всегда слышишь? — Теперь уже девушка удивилась, но тут же охнула про себя — вспомнила, кто он такой. Еще бы ему не слышать!

— Давай! — Огнеяр вспомнил, с чем она подошла. — Полей.

Девушка взяла деревянный ковшик, висевший на краю бочки, зачерпнула воды, стала выбирать из ковшика мелкие обломки льда. Пальцы ее порозовели от холода, кончик носа тоже, щеки разрумянились. Огнеяр взялся было за ворот рубахи, хотел снять, но вовремя передумал. Вот он нагнется, и она увидит полосу серой шерсти, бегущую вдоль его хребта от основания затылка до самого пояса. Ему уже слышался ее изумленный и испуганный крик, виделось, как она отскочит, выронит ковшик, бросится бежать без памяти... Нет, он не хотел ее пугать. События прошедшей ночи обострили его воспоминания о помрачении сестры Трещаги, перед глазами стояло лицо не-

Літературно-художнє видання

ДВОРЕЦЬКА Єлизавета
Вогняний вовк. Чуроборський перевертень
Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 13.12.2018.
Формат 84х108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Newton». Ум. друк. арк. 17,64.
Наклад 8000 пр. Зам.

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів на ПП «ЮНІСОФТ»
Свідоцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р. www.unisoft.ua
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

UNISOFT

Литературно-художественное издание

ДВОРЕЦКАЯ Елизавета
Огненный волк. Чуроборский оборотень
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 13.12.2018.
Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 17,64.
Тираж 8000 экз. Зак. .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а.
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНИСОФТ»
Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г. www.unisoft.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

UNISOFT

В жилах Огнеяра тече вовча кров. Він — перевертень, син бога Велеса. У Зграї його нарекли Срібним Вовком. Гордий і сильний, з гострим поглядом, від якого не сховається ніхто і ніщо. Його не лякають ані меч, ані стріли, ані навіть чарівний меч або спис. Хіба місце такому серед простих смертних? Але стежка звіра все ж переплітається з людською дорогою. Огнеяр зустрічається з прекрасною ясноокою Мілавою. Заради її кохання княжич-перевертень не побойться розпочати битву зі зграєю і навіть з тим, кого називають Білим Вовком...

Дворецкая Е.

Д24 Огненный волк. Чуроборский оборотень : роман / Елизавета Дворецкая. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 336 с.

ISBN 978-617-12-5049-9

В жилах Огнеяра течет волчья кровь. Он — оборотень, сын бога Велеса. В Стае его прозвали Серебряным Волком. Гордый и сильный, с острым взглядом, от которого не спрячется никто и ничто. Ему не страшны ни меч, ни стрелы, ни даже волшебный клинок или копьё. Разве место такому среди простых смертных? Но тропа зверя все же соприкасается с человеческой дорогой. Огнеяр встречается с прекрасной ясноокой Милавой. Ради ее любви княжич-оборотень не побоятся схлестнуться со Стаей и даже с тем, кого называют Белым Волком...

УДК 821.161.1

В теле Огнеяра заперт зверь. И как ни пытался княжич приручить волчью сущность, природа оборотня взяла свое. Теперь Огнеяр вынужден покинуть родной Чуробор, отказаться от любви ясноокой Милавы и податься в лес. Там волку самое место. Но человеческий мир не отпускает оборотня. В Чуроборе разгорается ожесточенная битва за престол. Соперники достойны, могучи и коварны. Но у Огнеяра нет другого пути. Он должен вступить в эту судьбоносную схватку за право на власть. И за право вновь увидеться с той, которая смогла приручить волка...

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua